

Р. Ю. Виппер

Лекции по истории Греции

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р. Ю. Виппер**
Лекции по истории Греции: Часть 1 / Р. Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 234 с.

ISBN 978-5-518-06256-6

Второе издание.

ISBN 978-5-518-06256-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Географическій очеркъ древней Греціи ¹.

Общій вопросъ о географическомъ вліяніи на культуру и строи общества. Когда мы обращаемся къ географическому описанію исторически важной страны, намъ интересно не только имѣть опредѣленіе поля дѣйствія даннаго общества,— мы ищемъ также тѣхъ первоначальныхъ, независящихъ отъ него самого условій, въ которыхъ оно должно было дѣйствовать. Поэтому передъ нами возникаетъ одновременно и общій вопросъ о томъ, насколько принудительно вліяютъ на человѣческое общество физическія условія и затѣмъ—какъ далеко, на какія стороны быта распространяется ихъ сила.

Самое предположеніе, что между этими двумя рядами явленій есть связь, было сдѣлано людьми весьма рано. Грековъ уже при самомъ возникновеніи ихъ науки сталъ занимать вопросъ о вліяніи географическихъ особенностей на характеръ народовъ. Въ V вѣкѣ до Р. X. появилась замѣчательная работа, въ которой можно видѣть начало и основу исторической географіи. Это—исслѣдованіе *Περὶ ἀέρος ὑδάτων τόπων* (т.-е. о вліяніи воздуха, воды и мѣстоположенія), которое, повидимому, принадлежитъ врачу Гиппократу, современнику Геродота ². Гиппократъ исходитъ отъ той же основной противоположности европейскихъ и азіатскихъ народностей, которая занимала и Геродота, и старается свести ихъ существенныя отличія къ вліянію климатовъ. Позднѣе Аристотель интересовался вліяніемъ климата на характеръ расы, но онъ дѣлилъ народности по другому принципу: на сѣверныя и южныя. Тепло и холодъ вліяютъ по мнѣнію Аристотеля, на умственные и нравственные свойства людей, и къ ихъ воздѣйствію надо отнести, съ одной стороны, уравновѣщенность и разсудительность южанъ, а съ другой—порывистость, смѣлость сѣверянъ.

Между новоевропейскими учеными этими проблемами болѣе всего занимались Бодэнъ въ XVI, Монтескье въ XVIII, Бокль въ XIX вѣкѣ. Они расширили самое понятіе о географическихъ условіяхъ, подлежащихъ изученію историка и соціолога; помимо климата, они старались устано-

вить вліяніе на бытъе челоуѣческихъ обществъ другихъ элементовъ, почвы, устройства поверхности, продуктовъ питанія. Они шире опредѣляли также и кругъ тѣхъ челоуѣческихъ отношеній, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были находиться подъ воздѣйствіемъ физическихъ условій: привлекали общественный и политическій строй, религиозныя воззрѣнія и даже самую судьбу народовъ, ходъ истории. Усилія этихъ соціологовъ исходили главнымъ образомъ изъ желанія найти въ историческихъ явленіяхъ, среди переменчивыхъ данныхъ, непрерывно и неуклонно дѣйствующій постоянный факторъ, или, какъ иногда говорили, сдѣлать изъ исторіи точную науку, одну изъ естественныхъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, если условія физической природы представляютъ собою явленія почти неизмѣнныя или медленно измѣняющіяся, и если цѣлые ряды поколѣній должны къ нимъ приспособляться, строить по нимъ свою жизнь, то является мысль: не должны ли всѣ привычки, весь складъ понятій народа, живущаго въ такихъ-то условіяхъ, отлиться въ твердыя, разъ навсегда данныя рамки и формы, и нельзя ли предугадать самую судьбу народа, линію безусловно необходимаго его развитія? Эта мысль у иныхъ географовъ и соціологовъ принимала очень крайнюю форму. Географъ Бэръ выразилъ ее въ такихъ словахъ, представляющихъ своего рода географическій фатализмъ: „когда земная ось получила свой наклонъ, воды отдѣлились отъ материковъ, поднялись горныя хребты и отграничились различныя территоріи, судьба челоуѣческаго рода въ крупныхъ своихъ чертахъ была опредѣлена“.

При такомъ пониманіи воздѣйствія физическихъ данныхъ забываютъ, что сама дѣятельность челоуѣка создаетъ новыя внѣшнія условія. Достаточно вспомнить, на примѣръ, какія важныя измѣненія въ климатѣ, почвенныхъ условіяхъ произошли въ Европѣ вслѣдствіе вырубки первобытныхъ лѣсовъ. Затѣмъ географическій фатализмъ не принимаетъ во вниманіе и другого обстоятельства. Челоуѣческія общества не остаются изолированными и зависятъ не только отъ мѣстныхъ условій обитаемой ими страны; они вступаютъ между собою въ сношенія, обмѣниваются продуктами и вслѣдствіе этого начинаютъ жить какъ бы въ новомъ, расширенномъ кругу; они приходятъ въ зависимость отъ разнообразныхъ, часто отдаленныхъ условій, вступающихъ, можетъ быть, въ борьбу съ мѣстными ближайшими данными. Въ качествѣ примѣра можно привести слѣдующее явленіе современности. Въ Бразиліи есть область св. Павла, гдѣ расположены обширныя, чрезвычайно плодородныя саванны, равнины, которыя могли бы служить разнообразнымъ и богатымъ полевымъ культурамъ. Но условія торговли и особенно сбыта въ Европу привели къ тому, что эта огромная территорія исключительно идетъ подъ обработку кофе, занята кофейными плантаціями. При тѣхъ раз-

мѣрахъ, которые здѣсь получило производство кофе, его транспортъ и сбытъ, можетъ работать только крупный капиталъ, и страна распадается на нѣсколько огромныхъ фермъ, которыя въ то же время принадлежатъ крупнымъ капиталистамъ; они привлекаютъ тысячи иностранныхъ рабочихъ высокой заработной платой, рассчитанной на немногіе годы работы, послѣ которой пришлые рабочіе уѣзжаютъ. Весь сбытъ направленъ черезъ приморскій портъ Сантосъ, въ которомъ движется и работаетъ масса людей, несмотря на крайне нездоровый климатъ. Вся эта, можно сказать, сплошная географическая несообразность—результатъ большого торговаго сцѣпленія, гдѣ человѣкъ—вовсе не рабъ природныхъ условій, гдѣ онъ, наперекоръ этимъ условіямъ, служитъ нѣкоторой большой организаціи, сложенной самими людьми.

Таково одно необходимое ограниченіе при опредѣленіи географическаго вліянія. Нужно имѣть въ виду роль отвлекающихъ причинъ и не считать воздѣйствія физическихъ условій чѣмъ-то исключительнымъ, неустрашимымъ. Но слѣдуетъ остерегаться и другой односторонности, которая вела соціологовъ къ преувеличенію и переоцѣнкѣ географическихъ воздѣйствій; она состояла въ томъ, что нерѣдко за сущность известной культуры принимался одинъ ея моментъ, одна ея черта, которая и приводилась въ связь съ физическимъ строеніемъ той страны, гдѣ эта культура проявилась. Примѣромъ можетъ служить разсужденіе Монтескье (въ „Духъ законовъ“ ³). Въ его объясненіи политическіе порядки двухъ главнѣйшихъ греческихъ общинъ, демократія Аѳинъ и аристократія Спарты,—результатъ почвенныхъ условій Аттики и Лакедемона. Скудость почвы въ первой области заставляла всѣхъ жителей много и въ одинаковой мѣрѣ работать и держала благодаря этому всѣхъ въ умѣренномъ достаткѣ, а равенство общественное создало равенство политическое; напротивъ, плодородіе Лакедемона создало избытокъ; отсюда крупныя имущества, аристократія и крѣпостной трудъ.

Въ этомъ разсужденіи прежде всего упущено изъ виду, что демократія держалась въ Аттикѣ какіе-нибудь 2 вѣка: ни до, ни послѣ скудная почва Аттики не вызвала соціальнаго и политическаго равенства населенія. Въ чемъ же невѣрность постановки? Въ томъ, что приведены въ прямую связь вещи, между которыми множество промежуточныхъ ступеней и звеньевъ. Не принято во вниманіе, что на известной почвѣ садилось множество переселенцевъ разнаго происхожденія, приносившихъ уже свои опредѣленные привычки работы, что на одномъ и томъ же мѣстѣ много разъ мѣняли культуру земли, что въ странѣ могли появляться посторонніе завоеватели, которые врывались въ имущественныя отношенія и измѣняли ихъ, что могли установиться торговыя сношенія, которыя притягивали въ страну капиталъ независимо отъ ея природныхъ

данныхъ и т. д. Изъ совокупнаго дѣйствія этихъ явленій сложилась новая среда—общество данной страны. Физическія условія страны послужили къ развитію его, но лишь въ извѣстной долѣ. Что же касается политическаго порядка, возникшаго гораздо позже, то къ нему вовсе нѣтъ линіи, которая бы шла прямо отъ физическихъ условій; этотъ порядокъ зависѣлъ уже отъ общественнаго строенія, которое само по себѣ стало большой промежуточной силой.

Эти общія замѣчанія могутъ намъ опредѣлить мѣсто и значеніе географическаго очерка для ближайшаго предмета нашего изученія, исторіи древней Греціи. Если мы не хотимъ поддаться географическому фатализму и не хотимъ искать причинной зависимости между явленіями, которыя не стоятъ въ связи другъ съ другомъ, намъ слѣдуетъ поставить задачу осторожно и точно. Въ географическихъ условіяхъ мы будемъ видѣть, во-первыхъ, обстановку, среди которой дѣйствовало данное общество, во-вторыхъ, границы, которыя отчасти связывали его и вмѣстѣ съ тѣмъ давали направленіе его работъ, и, въ-третьихъ, матеріаль, которымъ оно распоряжалось.

Устройство поверхности Греціи. Древняя Греція приблизительно совпадаетъ съ нынѣшнимъ греческимъ королевствомъ, занимая около четверти Балканскаго полуострова. Едва ли есть другая страна въ Европѣ, настолько обособленная, такъ мало связанная съ остальными частями материка. Строеніе горныхъ вѣтвей Греціи крайне благопріятно для защиты страны. Съ сѣвера она закрыта горизонтально горами. При дальнѣйшемъ переходѣ къ Пелопоннесу, поднимаются одна за другой еще четыре загородки: изъ нихъ двѣ проходятъ по Тессаліи, одна находится между Беотіей и Аттикой и наконецъ послѣдняя пересѣкаетъ перешеекъ, ведущій къ Пелопоннесу. Трудно проходимые хребты перегораживаютъ путь поперекъ и движеніе возможно лишь по узкимъ ущельямъ и горнымъ тропинкамъ. Эти проходы возможно защищать мелкими отрядами противъ большихъ силъ, какъ показала знаменитая оборона Термопилъ въ греко-персидской войнѣ. Завоеватель не только у порога страны, но и внутри встрѣчалъ неодолимые препятствія.

Благодаря этому, въ Греціи имѣются наиболѣе благопріятныя условія для веденія партизанской народной войны. „Народъ могъ быть покоенъ, какъ человекъ въ хорошо построенномъ домѣ съ крѣпкими стѣнами и надежными затворами“ ⁴. Это обстоятельство имѣло важное культурное значеніе. Въ теченіе всей исторіи древней Греціи народъ былъ свободенъ отъ опасности нашествія чужихъ некультурныхъ племенъ. Въ этомъ отношеніи Италія представляетъ замѣтную противоположность. Конечно, въ исторіи древней Греціи можно указать на персидское нашествіе. Но оно не представляетъ племенного передвиженія.

Это—военная экспедиція со стороны культурнаго государства, притомъ не доведенная до конца, неудавшаяся въ значительной мѣрѣ именно вслѣдствіе тѣхъ затрудненій, которыя представляетъ устройство поверхности для движенія завоевателя. Между тѣмъ дикіе, некультурные народы были въ ближайшемъ сосѣдствѣ грековъ, на сѣверѣ того же полуострова. Греки могли пользоваться ихъ работою, эксплуатировать ихъ экономически, они могли наблюдать ихъ жизнь и дѣлать научныя сравненія со своимъ бытомъ, но собственный внутренній строй греческихъ общинъ не терпѣлъ отъ этого сосѣдства.

Удивительно защищенная отъ внѣшняго врага, страна вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря строенію горныхъ вѣтвей, раздроблена на мелкія области, совершенно разобщенныя между собою. На горныхъ склонахъ, обращенныхъ въ разныя стороны, въ небольшихъ котловинахъ, закрытыхъ съ трехъ сторонъ и имѣвшихъ выходъ только къ морю, легко могли удерживать самостоятельность небольшія группы населенія. Въ Греціи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь даны подходящія условія для развитія кантональнаго строя, т.-е. самобытности мелкихъ общинъ. Страна лишена единства; въ ней нѣтъ ничего похожаго на такую область, откуда возможно было бы установить господство надъ другими частями страны (каково, напримѣръ, въ Испаніи кастильское плоскогоріе); нѣтъ и такой рѣчной долины, которая бы связывала рядъ областей (какъ, напримѣръ, Дунай въ Австріи). Рѣки европейской Греціи мелки, долины ихъ узки. Мало того, что не велики размѣры рѣкъ,—ихъ долины нерѣдко еще перерублены пополамъ; рѣчка убѣгаетъ въ ущелье, спертое горами, скатывается сразу внизъ на другую террасу, и верхняя долина оказывается совершенно отрѣзанной отъ сухопутныхъ сообщеній съ нижней.

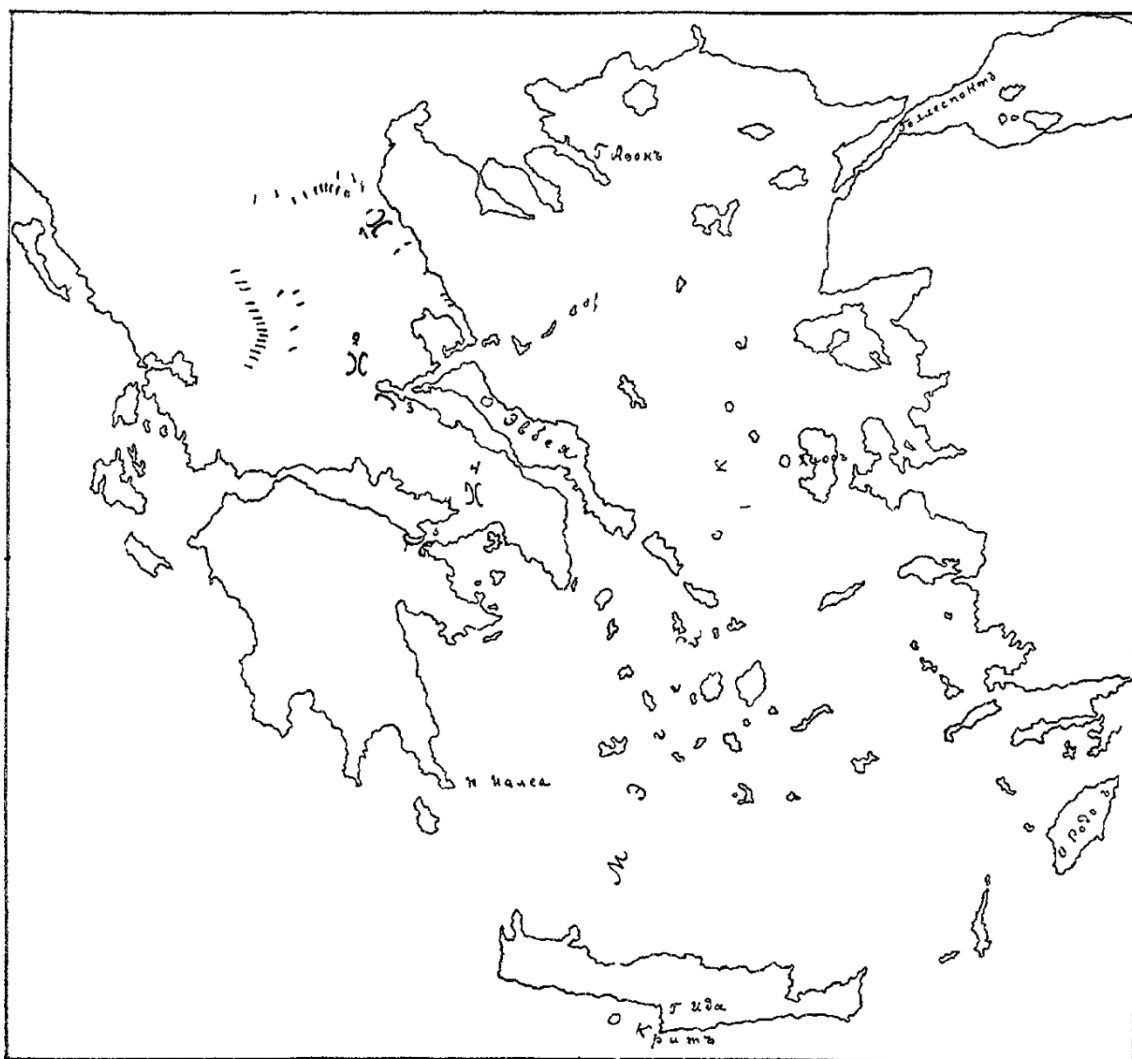
Нигдѣ въ такой мѣрѣ физическія условія не содѣйствуютъ развитію партикуляризма, т.-е. исключительнаго интереса къ своимъ узкимъ мѣстнымъ дѣламъ. Поучительно въ этомъ отношеніи сравнить съ Греціей Швейцарію. Это—тоже страна разобщенныхъ долинъ и замкнутыхъ кантоновъ. И въ Швейцаріи горные проходы имѣли огромное, можно сказать, рѣшающее историческое значеніе. Швейцарскій союзъ сложился благодаря тому, что горцамъ выгодно было держать въ своихъ рукахъ альпійскіе проходы и эксплуатировать самое крупное въ среднеевропейской Европѣ товарное и пассажирское движеніе между среднеевропейскими областями, съ одной стороны, Римомъ и Средиземнымъ моремъ—съ другой. Выгоды эти заставили ихъ совмѣстно оберегать господство надъ проходами; отсюда возникло соединеніе швейцарскихъ общинъ, ихъ союзъ. Но всѣ эти проходы лежатъ приблизительно въ одной горизонтальной линіи и имѣютъ болѣе или менѣе общее значеніе для жителей большинства швейцарскихъ кантоновъ. Иначе въ Греціи, гдѣ они расположены

какъ бы вертикально, гдѣ они идутъ послѣдовательно, отдѣляя одну область отъ другой. Въ Греціи не было общаго интереса для защиты каждаго барьера въ отдѣльности; всякій кантонъ думалъ лишь о ближайшей къ нему загородкѣ; чѣмъ дальше онъ былъ расположенъ отъ начала пути, тѣмъ меньше у него было интереса къ защитѣ верхнихъ частей. Въ греко-персидской войнѣ Спарта и другіе пелопоннесцы стояли на томъ, чтобы защищать только свой полуостровъ, и хотѣли ограничиться возведеніемъ загородки на перешейкѣ, они весьма неохотно примыкали къ предпріятіямъ и планамъ другихъ грековъ, жившихъ сѣвернѣе. Тессалію и первые два барьера на сѣверѣ греки, собравшіеся изъ общинъ середины и юга, бросили безъ защиты и только для обороны Термопилъ двинули наконецъ небольшія силы. .

Нигдѣ и нельзя указать, кромѣ древней Греціи, примѣра такого кантональнаго размельченія. Каждая община, каждое мѣстечко искало полной самостоятельности. Въ глазахъ грековъ подчиненіе общины болѣе крупному союзу было равно потерѣ политической и личной свободы. Общины обособлялись даже тамъ, гдѣ не было уже для этого и принудительныхъ физическихъ условій. Напримѣръ, на маленькомъ островѣ Аморгѣ, который занималъ 127 □ километровъ, т.-е. $2\frac{1}{3}$ кв мили, образовались три независимыхъ политическихъ тѣла. Мѣстный патриотизмъ и невниманіе къ общему интересу принимали въ Греціи самыя рѣзкія формы. Среди похода, напримѣръ, для котораго соединились ополченія союзниковъ, вдругъ уходилъ какой-нибудь отрядъ, чтобы справить дома свой мѣстный праздникъ. Жестокая вражда кипѣла часто между сосѣдними общинами; нерѣдко она удовлетворялась лишь полнымъ истребленіемъ противника.

Береговая линия. Греческое море. Замѣнутыя другъ отъ друга, греческія области были, напротивъ, открыты для внѣшнихъ сношеній. За немногими исключеніями, онѣ всѣ имѣли выходъ къ морю. Вторая поразительная черта страны—это необыкновенное развитіе береговой линіи, глубокое и повсемѣстное проникновеніе моря съ его заливами и бухтами. Въ Пелопоннесѣ нѣтъ ни одного пункта, который бы отстоялъ болѣе чѣмъ на 7 миль отъ моря, въ средней Греціи—болѣе чѣмъ на 8 (въ Тессалии и Эпирѣ— на 14). Изрѣзанность Греціи можно характеризовать по сравненію съ Пиренейскимъ полуостровомъ: вся Греція не больше Португаліи, между тѣмъ какъ ея береговая линія больше берега всего Пиренейскаго полуострова, въ которомъ Португалія составляетъ одну шестую. Можно еще иначе опредѣлить развитіе береговой линіи Греціи. Если взять поверхность ея материковой части и прибавить острова, получается масса земли въ 1.482 кв. мили (почти 1.500). Если эту массу представить окруженной водой и въ видѣ правильнаго круга, берегъ

составить по теоретическому вычисленію 128 миль (около 130): это будетъ минимумъ ея пограничной периферіи, наименьшая граница, способная охватить эту территорию. Цифра эта для насъ составитъ мѣрку Чѣмъ больше береговая линия страны превосходитъ такой минимумъ, тѣмъ выгоднѣе ея морское положеніе. Въ дѣйствительности въ Греціи береговая линия=420 милямъ, т.-е. въ $3\frac{1}{4}$ раза болѣе минимума.

1 и 2—проходы въ горахъ Фессалии, 3—Фермопилы, проходъ изъ Фессалии въ среднюю часть Греціи, 4—проходъ между Беотіей и Аттікой, 5—проходъ у перешейка, ведущій въ Пелопоннесъ. Линіями соединены выдающіеся пункты у береговъ Эгейскаго моря, составляюще предѣлы горизонта.

Море, лежащее между Греціей и Малою Азіей, въ собственномъ смыслѣ греческое море, представляетъ всѣ черты, которыя могутъ привлекать къ поѣздкамъ и предпріятіямъ и облегчать выселеніе. Съ любого пункта берега виденъ другой противоположный или нѣсколько острововъ въ разныхъ направленіяхъ. Острова образуютъ непрерывныя цѣпи отъ европейскаго берега къ азіатскому; переѣзды между ними коротки, и, благо-

даря этому, возможны частыя остановки; нѣтъ острова, отъ котораго другой островъ или другой берегъ отстоялъ бы болѣе чѣмъ на 5 миль. Все это море легко обозрѣть; у моряка всюду передъ глазами ориентирующіе пункты. Выѣзжая черезъ Геллеспонтъ (Дарданеллы) съ сѣвера въ Эгейское море, онъ видитъ сейчасъ же далеко выдавшуюся въ море черную массу Аѳона. Аѳонъ виденъ во всей сѣверной части Эгейскаго моря. Съ края Хиоса, близко примыкающаго къ Малой Азій, видна поперекъ моря Эвбея, плотно прилегающая къ европейской Греціи. Въ болѣе широкой южной части моря есть промежуточный пунктъ: г. Ида на Критѣ видна съ мыса Малей на окраинѣ Пелопоннеса и съ о. Родоса, близкаго къ малоазійскому берегу.

Это море—точно большое внутреннее озеро. При несовершенствѣ старинной техники морского дѣла его особенности играли еще болѣе важную роль, чѣмъ въ современности. Осенью и зимой греки не ѣздили вовсе; суда стояли, защищенные отъ вѣтра, въ тихихъ закрытыхъ бухтахъ. Въ такъ называемые „спокойные“ лѣтніе мѣсяцы они пользовались правильностью теченій и вѣтровъ. Посрединѣ моря проходитъ теченіе съ сѣвера, по обѣ стороны вдоль береговъ—обратныя теченія. Въ продолженіе дня дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ (этесія грековъ), который къ вечеру ложится. Съ этими движеніями воздуха и воды легко можно было сообразовать поѣздки. Такимъ образомъ сами собою намѣчались этапы для странствованій и колонизаціи грековъ; колонисты легко разсыпались въ разныя стороны. Когда же за предѣлами европейской Греціи образовался новый обширный кругъ колоній и рынковъ, море стало превосходно служить и новой болѣе широкой цѣли—обмѣну въ этомъ раздвинувшемся греческомъ культурномъ и экономическомъ мірѣ. Колоніи сносились съ метрополіями, со старинными мѣстами культа; обмѣнъ получалъ яркое выраженіе въ большихъ общегреческихъ празднествахъ, на которыя публика—богомольцы, артисты, состязатели, зрители—сѣзжалась съ разныхъ концовъ по морскимъ путямъ.

Различіе восточной и западной Греціи. Общее географическое положеніе Греціи. Большая часть этихъ замѣчаній относится къ морю, омывающему восточную часть Греціи. Море и берега имѣютъ неодинаковый характеръ на востокѣ и западѣ Греціи, и вообще между восточными и западными областями проходитъ крупная разниа въ климатѣ, естественныхъ богатствахъ и культурѣ. Такимъ образомъ Греція раздѣляется вертикальной чертой на двѣ группы земель, весьма различныхъ и притомъ мало сообщающихся между собою. На западѣ, помимо глубокаго Коринѳскаго залива, берегъ мало развитъ и мало доступенъ; съ этой стороны мало острововъ; вдоль берега идутъ большею частью дикія лѣсистыя горныя области. Ихъ населеніе значительно позже стало всту-

пать въ исторію и въ концѣ-концовъ не играло важной роли. На востокѣ берегъ представляетъ именно то удивительное развитіе, о которомъ было сказано: море образуетъ здѣсь рядъ гаваней и съ этой стороны усѣяно островами въ необыкновенномъ изобиліи. На восточной окраинѣ Греціи больше также открытыхъ долинъ. Въ этой-то болѣе выгодно поставленной части и сложились важнѣйшія греческія государства, разыгралась греческая исторія; здѣсь именно море и было могучимъ факторомъ объединенія.

Если вообще Греція изолирована отъ остальной Европы, то восточная Греція, мало связанная съ западной, въ то же время тянетъ къ сосѣднимъ неевропейскимъ берегамъ на востокѣ, къ Малой Азіи. Она какъ бы обращена лицомъ къ востоку; тутъ какъ будто отсутствуетъ граница между Европой и Азіей. На картѣ это бросается въ глаза: острова Эгейскаго моря—прямое продолженіе горныхъ хребтовъ восточной Греціи; Киклады тянутся замѣтными четырьмя параллельными рядами отъ выдавшихся концовъ полуострова. Послѣднія звенья этихъ рядовъ нечувствительно переходятъ въ группу Спорадъ, которые въ свою очередь представляютъ продолженіе береговыхъ возвышенностей Малой Азіи.

Въ свою очередь западныя и юго-западныя окраины Малой Азіи по расчлененію берега, почвѣ, климату очень напоминаютъ восточную Грецію и, напротивъ, не похожи на однообразное дикое плоскогорье середины Малой Азіи. Эгейское море такимъ образомъ связываетъ двѣ родственныя страны, и изъ нихъ-то, вмѣстѣ взятыхъ, и образовался историческій греческій міръ въ тѣсномъ смыслѣ. Уже раннія передвиженія племенъ и тѣ предпріятія, которыя отразились въ эпосѣ, произошли внутри этихъ рамокъ. Позднѣйшая колонизація, которая направилась въ Черное море, въ Африку и особенно въ западную часть Средиземнаго моря, вышла изъ круга земель, охватывающихъ Эгейское море. Очень характерно, что колонизація Италіи, Сициліи и даже столь близкихъ къ западной Греціи Ионическихъ острововъ двинулась не съ ближайшихъ къ нимъ береговъ западной Греціи, а съ востока, изъ областей и городовъ, лежавшихъ у Эгейскаго моря, изъ Эвбеи, Коринѳа, Милета и другихъ малоазійскихъ городовъ, т.-е. она пошла кругомъ Греціи, потому что исходила изъ готоваго, сложившагося стараго греческаго міра, созданнаго особыми условіями Эгейскаго моря и его береговъ.

Если въ Греціи много благопріятныхъ данныхъ для передвиженія по морю, для сношеній съ сосѣдними странами, для переселеній, то, съ другой стороны, имѣлся рядъ отрицательныхъ условій, которыя вынуждали народъ на передвиженія, заставляли выселяться или искать постороннихъ рынковъ. Прежде всего европейская Греція—страна, скудная естественными произведеніями.

Продукты страны. Нѣкоторыя условія экономической политики греческихъ общинъ. Для экономической жизни страны очень важно обладаніе металлами. Въ Греціи нѣтъ золота и мало мѣди. Для того, чтобы не быть вынужденными покупать золото за дорогую цѣну у азіатскихъ народовъ, греки старались захватить въ свои руки ближайшіе къ нимъ золотые рудники Македоніи и Фракіи. Въ этой необходимости уже заключался сильный толчокъ къ выходу въ колоніи и на стороннія завоеванія. Серебро имѣлось только въ Аттикѣ (Лаврійскіе рудники), и это исключительное обладаніе было важной причиной благосостоянія и торговаго развитія Аттики. Наконецъ Греція довольно богата желѣзомъ; въ разныхъ мѣстахъ была значительная индустрія желѣза, напимѣръ, въ Спартѣ. Мѣстонахожденія желѣза опять въ той же самой восточной, географически и культурно болѣе развитой части Греціи и на островахъ восточнаго, Эгейскаго моря. Но добываніе желѣза и обработка его требовали большаго примѣненія топлива; въ перспективѣ этого производства поднималась новая опасность—сведенія лѣсовъ.

Что касается растительныхъ продуктовъ, Греція также не богата ими. Ея почвенныя условія крайне неблагоприятны для посѣва хлѣба. На крутыхъ склонахъ греческихъ горъ мало наноса; мягкіе слои, получаемые отъ вывѣтриванія, смываются ливнями, и твердыя каменныя породы выступаютъ наружу. Тутъ всякая горсть земли на счету. Человѣку приходится какъ бы создавать почву, собирать ее частицами и насыпать вмѣстѣ: то съ большими усиліями онъ наноситъ тонкіе слои на голые уступы, то роетъ ямы для добыванія мергеля, лежащаго мѣстами подпочвой, вторымъ слоемъ, и такимъ образомъ добываетъ себѣ почву изъ-подъ земли, перекладывая слои.

Другое невыгодное обстоятельство представляетъ недостатокъ орошенія. Восточная Греція бѣдна дождями, рѣки и ручьи питаются горными снѣгами. Всѣ они—короткіе небольшіе потоки, низвергающіеся въ море, частью совсѣмъ пересыхающіе. Достаточно напомнить, что крупнѣйшій городъ Греціи, Аѣны, стоялъ на двухъ ручьяхъ, лѣтомъ совсѣмъ безводныхъ. Прѣсной воды въ Греціи поразительно мало; тутъ возможны вѣчные споры изъ-за какого-нибудь ручейка, и необходимо старательное распредѣленіе очереди для полученія воды. Во множествѣ бытовыхъ привычекъ и понятій отражается эта жестокая постоянная нужда въ водѣ. Въ извѣстной клятвѣ членовъ пилейской амфиктіоніи (союза, охранявшаго Дельфы) было опредѣленное обѣщаніе „не отрѣзывать у союзныхъ общинъ проточной воды“. Для грека свѣжая вода—особенное высшее благо. И сейчасъ современный грекъ говоритъ на прощаніе: „добраго пути и свѣжей воды“. А древній грекъ произносилъ почти въ тѣхъ же словахъ напутствіе отошедшему въ другой міръ.